

Андрей Бехтерев

РЕАНИМАЦИЯ

Андрей Бехтерев

Реанимация

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бехтерев А.

Реанимация / А. Бехтерев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

30-летний Роман любит жену и дочку, но его семейную жизнь нельзя назвать счастливой. Всё портит пристрастие Романа к алкоголю. Он пьет не переставая, с утра до вечера, умудряясь при этом работать и зарабатывать. Наконец, здоровье не выдерживает и Роман сначала оказывается в больнице, а потом в реанимации. Врачи борются за его жизнь, а молодой человек попадает в причудливый мир галлюцинаций и бреда, предвещающий первый приступ алкогольного делирия (белой горячки).

Содержание

1. Доброе утро	6
2. Шаббат	8
3. Кто в тереме живет?	10
4. Скорая Помощь	13
5. Хирургия	15
6. Плохие анализы	17
7. Отделение интенсивной терапии	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Проще испортить, чем исполнить.

Проще заблудиться, чем хвататься зубами за нить.

Утром просыпаюсь и ничего не могу вспомнить.

Вечером засыпаю и ничего не могу забыть.

1. Доброе утро

– Папа, у тебя рука трясется.

Шарик в пластмассовой чашке предательски дребезжал. Рома аккуратно поставил чашку на кровать и схватил левой рукой правую за запястье.

– Ты что растряслась? Совсем кочупырка что ли? – исказив голос до максимальной пискливости, спросил Рома свою руку. Рука в ответ показала фигу. Лиза захохотала. Она всегда хохотала, когда папа кривлялся. Легко быть юмористом, когда ребенку 4 года. Рома через силу улыбнулся. Ему становилось все хуже и хуже. Было уже 11 утра, а он все никак не мог сказать себе: «доброе утро». Всё из-за дочки, которая ходила за ним как приклеенная. Холодный вонючий пот потек по его лицу.

– Папа, ты совсем мокрый, – отсмеявшись, сказала дочка. Она заметила, что папе плохо.

– Я болею немного, – сказал Рома. – Сиди здесь. Я сейчас выпью лекарство и вернусь.

Папа встал с кровати и пошел на кухню.

– Я с тобой, – закричала Лиза и побежала следом. Рома недовольно поморщился, но ничего не сказал. Они пришли на кухню. Рома посмотрел в окно. За окном моросил дождь. Отличная погода для середины декабря.

– Только вешаться в такую погоду, – пробормотал Рома и на секунду завис. Ему захотелось зарифмовать фразу. С разбегу не получилось.

(«Погода, природа и прочая благодать. / Всюду праздник искрит и пенится. / Снег накрыл с головой – идеально, чтобы поспать. / Зимний дождь за окном – идеально, чтобы повесится», – зарифмовал он позже, но не стал записывать, потому что скучновато получилось).

– Пап, ты куда смотришь? – вывела его из задумчивости Лиза.

– Никуда, – честно ответил Рома и налил в стакан фильтрованную воду из кувшина. Сделав несколько глотков, он поставил стакан на место. Вода была невкусной. Рома пошел с кухни.

– Ты лекарство забыл выпить, – напомнила дочка, семена следом.

Рома остановился. Он не знал, что ответить.

– Расхотелось что-то, – сказал он, наконец. – Пошли телевизор смотреть.

Они пришли в зал. Рома включил детский канал. Он надеялся, что там будет какая-нибудь Машка с Медведем, но там живые дети бегали в эстафете. Лиза такое не смотрела. Пришлось взять «дистанционку», сесть рядом с дочкой и начать поиск. Наконец Рома нашел мультик. По экрану скакали и кричали страшненькие разноцветные пузыри с глазами.

– Папа, оставь, – закричала Лиза. – Это пузокони.

– Пузокони? – удивленно переспросил Рома.

– Да. Я с мамой смотрела. Красный шарик – это пузеконь Лошадка.

Действительно из красного пузыря торчало что-то похожее на копыта. «Мне никогда не стать детским писателем», – подумал Рома, смотря, как пузеконь Лошадка беседует с цветочками на лугу. Аккуратно убрав дочкину ладошку со своего колена, Рома встал.

– Папа, не уходи, – сказала Лиза, не отрывая глаз с экрана.

– Я сейчас, дочь, – ответил Рома и замер. Лиза продолжала смотреть мультик. Рома быстро прошел по коридору до кухни, остановился перед мойкой, выглянул в коридор – нет ли «хвоста», открыл дверцу шкафчика, присел, просунул руку мимо мусорного ведра и достал из тайника почти полную бутылку водки. Быстро встав Рома поставил бутылку в шкафчик, висящий над мойкой, после чего снова выглянул в коридор. Никого не было. Лиза наконец-то приклеилась к телевизору. Рома взял чайную чашку, снова достал бутылку, сделал несколько крупных «бульков» в чашку и поставил бутылку назад. Его движения были отточены до авто-

матизма. Долив в чашку воды, добавив смородинового варенья и перемешав, Рома одним глотком выпил полученный коктейль.

– Папа, – раздалось из зала. Лиза обнаружила его отсутствие. Рома быстро вернулся. По телевизору шла реклама. Папа сел рядом. Лучше от водки не стало. Надо было чуть подождать. Рома знал свой организм, как стюардесса правила полета. Снова полился пот. Сопли потекли из носа. Рома чихнул. Стало легче. Нужно было срочно повторить. Реклама закончилась. Началась новая серия пузеконей. Заиграла веселая песенка.

– Я сейчас, – сказал Рома дочке и побежал на кухню. Вскоре с кухни раздался еще один чих, за ним еще.

– Будь здоров, – закричала дочка.

– Спасибо, – крикнул в ответ папа, наливая третью.

Минут через 10 папа вернулся, жуя бутерброд с сыром. Руки уже не тряслись, пот не стекал. Папа выздоровел. По его телу растеклось умиротворяющее тепло.

– Будешь? – спросил Рома, протягивая дочке бутерброд. Дочка отрицательно покачала головой.

– Ну и ладно, – ответил Рома. – А это что за чудище?

На экране прыгал полосатый пузырь. У него был пяточек со смещенным центром, что выглядело жутковато.

– Это пузеконь Лариса, – ответила Лиза.

– А она кто? Собака или поросенок?

– Она – Лариса.

2. Шаббат

Была суббота. Самый ненавистный для Романа день недели. Приходилось целыми днями спотыкаться об жену. Жену звали Вера. У них осталось 2 варианта общения: или Вера относилась к мужу «хорошо» и цементировала ему мозг идиотскими разговорами, или просто молча ненавидела. Второй вариант был плохим, но лучше первого. Можно было забиться в угол и зырнуть весь день в монитор.

Утро субботы всегда начиналось с криков. Повод для криков Вера находила легко: соседи {поздно легли/рано встали}, погода {опять дождь/опять снег/опять солнце/сколько можно, вообще}, плохое самочувствие {у меня болит нога/голова/рука/спина/пятки}. И чем бы не начинались крики заканчивались они всегда проклятьями в сторону мужа. Уж он точно был во всем виноват. Роман относился к ору супруги, как к погодному явлению («Дождь начался? Надо зонтик открыть»).

Главной задачей для Романа в субботнее утро было выбраться поскорей на улицу. Дежурным поводом был «уикендный шоппинг», то есть поход по магазинам за продуктами на неделю.

– Что купить? – крикнул Рома из коридора, завязывая шнурки на ботинках.

– Сам не знаешь? – зло ответила Вера. Она убиралась в зале. – Посмотри в холодильнике.

– О кей. Уже посмотрел, – в полголоса сказал Рома, перекидывая сумку через плечо.

– Купи печёнки и кукурузу с палочками. Салат сделаю. Блин, всю постель провонял.

Почему я должна за тобой убирать? Сам воняешь, сам стирай. Не продохнуть.

– О кей, – повторил еще тише Рома, одной рукой открывая дверь, другой – хватая большой мешок с мусором.

– Запиши, а то забудешь.

– Не забуду, – крикнул Роман.

– Папочка, купи мне ломтик, – попросила, выбежав из своей комнаты Лиза.

– Хорошо, доченька, – улыбнулся папочка. – Пока.

Рома послал девочке воздушный поцелуй, получил «ответку», вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Сразу стало легче. Он спустился на лифте, остановился в коридоре и, поставив мешок с мусором в угол, достал из сумки черный блокнот с ручкой.

«Идеальная пара: / Тряпка и Швабра», – записал он, сочиненное с утра двестише. У него уже половина блокнота была исписана подобного рода поэзией. Он любил рифмоплетство совершенно бескорыстной, лишённой всякого смысла любовью.

На улице по-прежнему было «плюс-минус ноль», лужи и сырость, хотя до Нового Года оставалось чуть больше недели. Хорошо не шел дождь и можно было прогуляться в свое удовольствие, не матеря судьбинушку. Выкинув мусор Рома поплелся в сторону центра. Субботний шоппинг обычно занимал около двух часов. Рома обходил все окрестные магазины в поисках акций и скидок. Это делалось не столько для экономии, сколько для придания своей прогулке хоть какого-то смысла.

Как не полировал Рома свое равнодушие, все равно ненависть жены переносилась им болезненно. И сейчас вместо того, чтобы созерцать низко бегущие хмурые облака, он почти вслух бормотал: «какая ты все-таки тварь, просто сука какая-то, достала, ненавижу». Среди этого бормотания всплыло неплохое словосочетание. Рома тут же переключился на поиск рифмы и через пару минут снова полез в сумку за ручкой и блокнотом.

«Ненавидь меня сколько хочешь. / Мне уже почти все равно. / Ты для меня, как самая длинная очередь / на самое тупое кино», – написал Рома и с удовлетворением, улыбнулся. С утра «пёрло на перлы».

Рома не спеша дошел до первого магазина из пяти, входивших в его маршрут. Здесь он по субботам покупал «завтрак выходного дня» – 250-граммовую «чекушку» водки. Обычно водка в маленьких бутылках стоит на порядок дороже, чем в стандартных поллитровках, но именно в этом магазине 250 грамм стоило 99 рублей, то есть почти по минимальной цене. Водка, конечно, была мрачной по качеству, но, для товара первой и почти единственной необходимости, цена легко побеждала остальные достоинства.

«Чекушка» была в наличии. Рома задержался у полки с лимонадами. С недавних пор он для утренних субботних прогулок приунылся изготавливать алкогольные бомбочки. Рома выбрал «Дюшес» со скидкой – всего 23 рубля за пол-литра. На кассе была небольшая очередь. На ленте уже лежали две точно такие же «чекушки», как у него. Рома поднял голову. Перед ним стояли два прилично одетых мужчины не знакомых друг с другом. Рома поставил свою бутылку следом и улыбнулся. «Натюрморт «субботнее утро или жертвы матриархата», – усмехнулся он про себя.

– На здоровье, – с широкой кривоzubой улыбкой сказала продавщица Роману, пробивая водку. Рома засмеявшись, ответил: «Спасибо». Приятно, когда люди с тобой на одной волне.

Сложив водку и лимонад в сумку Рома пошел изготавливать бомбочку. Зайдя в ближайший двор, он остановился напротив пустой детской площадки. Это была «точка один». Предстояла самая сложная процедура. Нужно было сделать пару глотков водки с «оттянутой запивкой». На похмельный желудок это было неприятно. Рома скрутил крышку «чекушки». Организм дрожал от предвкушения. Выпив водки, Рома положил бутылку обратно в сумку и только потом достал лимонад и запил. Тело затрясло, потекли сопли, полился пот. Рома пошел дальше. «Точка два» была рядом, в арке. Процедура была та же: два глотка и запивон с 5-секундной задержкой. Стало хорошо. Теперь можно было изготавливать «оружие индивидуального поражения». Рома перешел через пустую дорогу, зашел в небольшой парк, забрался в кусты. Хорошо, за ночь подморозило и было не очень грязно. Рома отлил немного лимонада на землю и аккуратно перелил водку в бутылку с лимонадом, после чего закрутил крышку и засунул полученный коктейль в сумку. Осталось вылезти из кустов и отхлебнуть вкусного напитка. «В принципе, суббота не такой уж и безнадежный день».

3. Кто в тереме живет?

*...Лучший способ не пить – это спать.
Лучший способ не спать – это ждать.
Лучший способ не ждать – забить.
Лучший способ забить – это пить...*

За неделю до Нового года, в западный Сочельник, в детском саду, куда ходила Лиза должна была состояться премьера спектакля-мюзикла «Теремок». Лиза участвовала в постановке. Она играла Мышку-Норушку. Это было ее первое выступление на сцене. Лиза очень переживала, по-взрослому. В день премьеры в садик пошли все вместе: мама, папа и дочь. Когда они пришли в группу, до начала представления оставалось еще полчаса. Лиза убежала переодеваться, а Рома с женой пошли в актовый зал, который потихоньку заполнялся родителями. Актовый зал был убран по-новогоднему. В углу мерцала большая елка. С потолка свисали снежинки. Домик-Теремок, стоящий в углу, был обвешан разноцветными гирляндами. Рома достал из сумки большой фотоаппарат: полупрофессиональный зеркальный Canon. Они купили его несколько лет назад, чтобы красиво снимать дочку, но почти им не пользовались. Было самое время стряхнуть с него пыль. Рома сделал пару контрольных снимков. Получалось так себе. Освещение было плохим.

– Я пойду пройдуся, – тихо сказал Рома жене, любезничающей с другими родителями.
– Куда? – нахмурилась Вера.
– Вокруг садика похожу. Еще полчаса. Что сидеть-то.

Вера, недовольно хмыкнув, отвернулась. Рома решил, что это «да» и пошел на улицу. Очень хотелось дежурного утреннего алкоголя, но не перед премьерой же. Приходилось терпеть. На улице самочувствие улучшилось. Рома сделал несколько кругов вокруг садика, постоянно здороваясь с проходящими родителями и детьми. Его тут все знали, потому что обычно он отводил и забирал ребенка из садика.

«Почему люди с возрастом не становятся лучше? Даже умней не могут стать, – болтал про себя Роман, пиная свежий снег. – Еще о вечной жизни мечтают, а сами к 50 годам на 90% состоят из маразма. Магазины, собесы, ЖЭКи, очереди, копейки. Садик – это лучшее место, потому что тут дети. А дети как не крути лучше взрослых. А худшее место – это магазины, то есть не магазины типа рынка, а, типа, мегамоллы, в которых тусуют с утра до вечера. Вот где кузница уродства. Шлёп-шлёп и ты – урод. Все мечтают быть уродами. Быть красивыми – это же опасно для здоровья. Да и не коммуникабельно совсем. О чем с людьми разговаривать, когда тебя красота перекосила...»

Рома постоянно во время прогулок разговаривал сам с собой на разные темы. 20 минут пролетели быстро. Рома вернулся в актовый зал и сел рядом с женой. Вера смерила его злым взглядом и протянула старую видеокамеру, на которую они планировали заснять видео. Хороший фотоаппарат она взяла себе.

– Настрой камеру, – шепотом прошипела жена. Рома кивнул и стал ковыряться в настройках. Он решил, чуть уменьшить размер кадра, что бы, не дай Бог, место на флэшке не кончилось.

Спектакль начался. Руководитель театрального кружка, объемная барышня за 40, бодро застучала по клавишам пианино. Стали выходить, построившиеся по парам, дети. Костюм мышки у Лизы был очень симпатичным. Дети уселись на стульчики. Рома стал снимать видео, но получалось плохо. Очень сильно дрожали руки.

– Давай поменяемся, – прошептал он жене, протягивая ей видеокамеру. Жена с широкой улыбкой, предназначенной точно не ему, отдала «фотик» и, взяв, камеру стала снимать сама.

Лиза-Мышка тем временем встала со стульчика, вышла на сцену, забавно семеня ножками, подбежала к теремку и громко с выражением произнесла свой текст. Рома знал его наизусть. Лиза была великолепна. Дочитав текст, девочка села на стульчик рядом с теремком. Рома решил сфотографировать ее, сделал максимальный zoom и нажал на кнопку. Сработала вспышка. Это было не кстати. Многие дети и родители повернулись в его сторону. Жена взглянула с ненавистью. Рома показал жестом, что больше не будет и отключил вспышку. Все равно фотка получилась так себе.

Спектакль-мюзикл продолжался чуть больше получаса. Рома почувствовал себе плохо. Причем не по обычно-похмельному, а похуже. Сильной боли не было. Просто было хуже, чем обычно. Когда спектакль окончился и отзвучали аплодисменты, Рома и Вера сфотографировались с Лизой в костюме Мышки, проводили ее в группу и вместе вышли из садика.

– Опять вчера нажрался? – зло сказала жена, когда они остались вдвоем. Рома ничего не ответил. – Когда ты сдохнешь уже? Всех же переживет. Позоришь нас. Посмотри на себя, чувело.

– Я туда, – вместо ответа сказал Рома, показывая в другую сторону.

– Домой что ли?

– Да. На работу поздно уже. Я отпросился, – кивнул Рома. – До вечера.

Вера ничего не ответила и пошла в сторону метро одна.

До дома была далековато, минут 40 пешком. Обычно это время для Ромы пролетало незаметно в беседах с самим собой, но сейчас идти было тяжело. Он зашел в магазин и купил со скидкой 40-градусную настойку под названием «Медовуха». Хотел хлебнуть прямо на улице, но было многолюдно и Рома дотерпел до дома. Дома он достал из тайника, оставшиеся с вечера, полбутылки водки, выпил сначала «Медовухи» – она была повкусней – потом перешел на беленькую. Состояние улучшилось, но все равно, что-то было не так. Рома посчитал свои запасы: 300 грамм вчерашней + пол-литра цветной («Медовухи») и еще в шкафчике стояло грамм 250 «официальной» (так Рома про себя называл алкоголь, который не был спрятан и который он употреблял за столом по праздникам). Запасов на день хватало.

Рома включил ноутбук, подсоединил фотоаппарат, скинул фотки. Те фотки, которые должны были получиться хорошо, вышли с пятном на пол кадра. Это был его палец. Каким образом он оказался перед объективом было совершенно непонятно. Рома расстроено удалил плохие фото и подсоединил к «ноуту» видеокамеру. Тут его ждало еще большее разочарование. Видео было снято хорошо, звук получился хорошим, но он сделал размер кадра настолько маленьким, что практически ничего не было видно. Рома громко выругался и стал ходить от стенки к стенке, не зная на чем сорвать свою злость. Он допил вчерашнюю водку и успокоился настолько, что уснул. Потом позвонила Вера узнать, что там с видео. Узнав, что все плохо, она бросила трубку. Рома снова уснул.

Вечер был тяжелым. Рома никак не мог дождаться, когда он закончится. Сильно болела спина, словно ее продуло. Рома хотел доделать заказ, но отложил на завтра и стал выбирать телефон. Это был новогодний подарок самому себе. За последнюю пару месяцев он неплохо заработал и решил, наконец, купить себе нормальный смартфон (старый сломался, и он ходил с совсем древней «Сонькой»). Выборы продолжались больше недели. В финал вышли дешевый МТС-ий смартфон и китайский, название которого он никак не мог запомнить.

Вера тем временем укладывала Лизу спать. Рома, воспользовавшись моментом, выскочил на кухню, выпил пару освежающих бульков надежно спрятанной «Медовухи» и вернулся в зал. Вскоре Вера, судя по грохоту посуды, переместилась на кухню. Рома остановился наконец на китайском смартфоне и быстро оформил заказ с самовывозом на завтра. Решив с телефоном, он стал выбирать котенка, которого добрый Деде Мороз пообещал Лизе подарить на Новый год. Не успел он забить в Google «породы кошек», как громко засверлили соседи сверху. Рома

посмотрел на часы. Было начало 11-го. «Охренели», – пробурчал Рома, но не сдвинулся с места. Сверление продолжилось. Через минуту случилось неизбежное. С кухни пришла Вера.

– Что разлегся? Не слышишь, что ли? – зло сказала она.

– Сейчас, – кивнул Рома, вставая. Он терпеть не мог ходить к соседям на разборки, но постоянно приходилось, потому что жена была очень чувствительна к шуму. Он даже несколько раз в 3 часа ночи ходил к соседу, живущему через два этажа и просил сделать телевизор потише. Сосед очень удивлялся и думал, что Рома просто ищет повод познакомиться поближе. Это было еще на съемной квартире.

Рома одел шорты, майку, накиннул куртку и вышел в коридор. Он не стал дожидаться лифта и пошел наверх по пожарной лестнице. Выход на пожарную лестницу был через общий балкон. Рома открыл балконную дверь и тут же ледяной ветер ударил ему под дых. Было по-настоящему больно. На улице бушевала вьюга. Поднявшись по лестнице и снова прошмыгнув через балкон, он оказался этажом выше. Рома постучал в дверь из-за которой раздавался шум. Дверь тут же открылась.

– Извините, мы заканчиваем, – кивая головой, сказал классический гастарбайтер среднеазиатской внешности. Рома уже несколько раз поднимался к ним и его знали. Это было плюсом, не надо было заводить телегу про больного ребенка. Ремонт у соседей продолжался уже несколько месяцев. Самих ремонтников было человек пять, но по вечерам там часто собирались «гастеры» со всей окрестности.

– Ночь уже, – устало сказал Рома.

– Мы всё, – сказал гастер, – совсем всё. Завтра заканчиваем и уезжаем. Совсем. Закончили ремонт.

– Да? – улыбнулся Рома. Это было хорошей новостью. – С Новым годом тогда.

– С Новым годом, – улыбнулся в ответ «гастер» и жестом пригласил Романа зайти, посмотреть ремонт. Роман отрицательно покачал головой. Ему было неинтересно.

Рома вернулся домой. Поделившись радостной новостью об окончании ремонта с женой, он вернулся к себе. Живот и спина стали болеть сильнее. На экране ноутбука его ждали кошки, но Рома решил лечь спать. Сил на выбор «хозяйки дома» не осталось. Он почистил зубы и лег. Даже колыбельных 100 грамм не хотелось. Но уснуть не получалось из-за боли. «Блин, этого еще не хватало» – проворчал Рома, присев. Боль уменьшилась, но не на много. Жена тем временем тоже легла. Она спала с дочкой в детской. Через полчаса, когда жена с дочкой попеременно сопели во сне, Рома прокрался в детскую, где была аптечка, вынес коробку с лекарствами, нашел обезболивающее и выпил. Боль почти сразу спала и Рома уснул.

4. Скорая Помощь

– Пап, возьми меня на шею.

Рома остановился и взял дочку за руку.

– Лиза, послушай. Я тебя сегодня на шею не возьму, и вообще тебя не буду поднимать. Я заболел, плохо себя чувствую. Хорошо?

Лиза кивнула. Она очень любила кататься у папы на шее, но отнеслась к его словам с пониманием. Папа с дочкой шли на автобусную остановку, чтобы ехать в садик. Было раннее утро. Роме чувствовал себя очень плохо.

У него четыре года назад был приступ острого панкреатита, после чего он несколько месяцев не пил алкоголь, полгода сидел на диете и хорошо изучил свои внутренности. Типов боли в «ливере» было много и все они были досконально изучены. Эта боль была новой.

Папа с дочкой сели в автобус. Ехать было недалеко, минут 10. Выйдя на остановке, Роман пошел за железную будку.

– Лиза, подожди, – сказал он, сделав несколько шагов в снег. – Отвернись.

Его мутило. Девочка не стала отворачиваться. Рому вырвало. Белая жидкость без запаха вылилась на свежий снег. Стало чуть лучше.

Отведя Лизу в садик, Рома вернулся домой на автобусе. Идти пешком не было сил. На сегодня у него была запланирована покупка телефона. Ехать за ним было больше часа в одну сторону. «Сяду на автобус, потом на метро, какая разница где сидеть, – уговаривал он себя. – Тебя просто продуло». Рома сходил на кухню и достал остатки «Медовухи». Оставалось грамм 300. В обычный день хватило бы только до обеда, но сегодня не очень хотелось. Рома выпил раз, выпил два и стал собираться в дорогу. Надо было бы поесть, но еда вызывала отвращение. Одевшись, Рома спустился вниз на лифте, вышел на улицу, сделал несколько шагов и остановился. Сил идти не было. Рома понял, что никуда сегодня не поедет. Вернувшись домой он позвонил Вере.

– Привет. Что-то я приболел... Не панкреатит, а что-то вроде... Не могу понять... Мне кажется что-то серьезное... Ты тогда Лизу заberi, а я «скорую» вызову... Только попозже, когда вы придете... Ага. Пока.

Вера перезвонила через полчаса и выдвинула версию, что у него аппендицит. Ее подружка с работы описала симптомы: один в один, как у него. Рома обрадовался. Аппендицит – это же ерунда. Рома тут же уткнулся в ноутбук и стал изучать симптомы аппендицита. В общем, было похоже, если бы не одно «но». Аппендицит находился справа, а у него болело слева. Потом он нашел инфу, что аппендицит может быть и слева, но только у тех, у кого сердце справа. Звучало бредово. В любом случае сердце у него было слева. Рома пошел на кухню. В бутылке оставалось грамм 100. «Не выкидывать же», – подумал Рома и без особого желания допил настойку. Он вынес пустую бутылку на пожарную лестницу и стал ждать, когда придет жена с дочкой.

– Ура, ура, «скорая» приехала! – радостно скакала Лиза, встречая врача. Врач прошел в комнату. Рома сидел на кровати. Врач стал задавать дежурные вопросы, давить на живот. Как нарочно у Ромы ничего не болело.

– Целый день не ел и не хочется совсем и еще слабость сильная, – оправдывался Рома, чувствуя, что звучит не убедительно. – Вот тут колело, но сейчас уже не колет.

Врач почесал затылок.

– Может быть, аппендицит? – спросила Вера. Она уже собрала большой пакет с вещами для мужа. Врач отрицательно покачал головой.

– Может быть панкреатит тогда? У него уже был приступ года 4 назад.

- Панкреатит? – переспросил врач и снова стал щупать Ромин живот.
  - Поедете в больницу? – спросил он больного.
- Рома кивнул. Конечно, в больницу не хотелось, но было слишком плохо.

5. Хирургия

«Скорая» с мигалками лихо неслась по вечернему городу, нарушая правила и прорубая пробки. Рома смотрел в окно на сверкающие предновогодними огнями улицы.

Приехав в больницу, врач отвел больного в приемную, подписал какие-то бумаги и ушел. Рома сел на обтянутую потертым дерматином скамейку и стал ждать. В приемной было многолюдно. Туда-сюда шныряли врачи. Рому вызвали к окошку, уточнили его данные, попросили расписаться. Через какое-то время у него взяли кровь из пальца, потом – кровь из вены, потом сделали УЗИ, взяли мочу, сняли кардиограмму. Все делалось через большие промежутки времени. Роме казалось, что про него постоянно забывают. Так, наверное, и было.

В коридоре тем временем стало шумно. Привезли крупного товарища лет 40 на кресле-каталке. У него был свежий еще не загипсованный перелом ноги. Товарищ вел себя буйно: ругался матом, приставал ко всем подряд – от врачей до больных, несколько раз вставал с кресла на сломанную ногу после чего с криком падал назад. Он просил вызвать ему такси, размахивая стопкой банкнот, обещал большие чаевые. «10 тысяч дам за звонок». Вскоре вся приемная знала, что товарищ – дагестанец, что он – коренной москвич, что работает охранником в ФСБ, что у него 240 тысяч в кармане – «ты пересчитай, если не веришь, что устался, мудака». Потом он стал раскручивать на секс медсестру, которая пыталась его утихомирить. «5 тысяч дам и еще на чай 5. Только в *опу, чур. Мне так больше нравится. У меня 240 тысяч в кармане. Я аванс получил. Тебя за бесплатно никто так не вы*бет, а я денег дам. Такси вызывай». Медсестра, как ни странно, восприняла предложение, как комплимент и любезничала в ответ. Потом товарищ стал орать на больного, сидевшего на кушетке рядом с Романом. «Сейчас глаза тебе сделаю, как у мишки плюшевого, будешь моргать пуговичками на иголочках». Потом пришел здоровенный 2-х метровый врач и стал успокаивать буяна. Буян успокоился. Врач ушел и крики понеслись по новой. Потом началась потасовка между буяном и новоприбывшим бомжом. Бомж предлагал товарищу «залезть назад на пальму» на что товарищ ответил: «ты сам сейчас на пальму полезешь». Товарищ, махая кулаками вскочил с кресла, встал на сломанную ногу и скривившись от боли, упал назад. Кресло перевернулось, и буян с грохотом упал на пол. «Получил, овца. Сейчас вообще тебя урою», – радостно закричал бомж и стал пинать лежащего врага по больной ноге. Товарищ заорал. Из приемной выбежали 2 медсестры. Они отогнали бомжа и стали поднимать больного. Товарищ стал драться с медсестрами. «Идите, сосите», – повторил он раз 15...

– Роман Бугаев? Пойдемте.

Рома поднял глаза. (Бугаев была его фамилия.) Перед ним стоял невысокий врач в белом халате. Они зашли в кабинет.

– Так, так, – повторял врач, бегло просматривая листочки с анализами. – Выпивали алкоголь?

– Да, – ответил Рома.

– Хорошо. Так, так. Ну что, ляжете в больницу?

– А нужно?

– Да. Полежите в хирургии, прокапаетесь. Новый год скоро. Надо быть в форме. В принципе ничего страшного, но пару дней надо полежать.

– Хорошо, – кивнул Рома. – А что у меня?

– Панкреатит.

В сопровождении медсестры Роман дошел до лифта. Они поднялись на пятый этаж, в «хирургическое отделение». Медсестра отдала Ромину карту дежурной и ушла. Дежурная стала заполнять бумаги.

– Телефон близких, – спросила дежурная.

– Что? – не понял Рома.

– Телефон по которому звонить, если с вами что-то случится.

– Плюс 7. 926... – стал диктовать Рома телефон жены, но остановился. – Не надо телефона. Не пишите.

Рома побоялся, что Вере позвонят и расскажут про все его болезни и что она потом затаскает его по врачам.

– Не надо? – переспросила дежурная. – Как хотите.

Романа положили в 12-ю палату. В палате было 8 кроватей и только одна из них была свободной. Роман подошел к ней и стал располагаться.

На соседней кровати сидел крупный седой мужчина кавказской внешности. Он был похож на горца. Рома поймал на себе его взгляд, хотел сказать: «здравствуйте», но приглядевшись понял, что Горец смотрит чуть в сторону – просто задумался. Рома сел на кровать и осмотрелся. У стенки напротив два молодых человека смотрели на планшете какой-то ужастик. Рядом с ними под капельницей лежал старичок. Между кроватями ходил, что-то бормоча под нос, еще один пенсионер. Слева от Романа в одних трусах лежал парнишка, по виду школьник старших классов. У него был перебинтован живот. Рома подумал, что парнишку ударили ножом, но позже из подслушанного разговора выяснилось, что ему просто вырезали грыжу.

Рома никогда раньше не лежал в больнице, если не считать далекого детства. В принципе тут было не так кошмарно, как казалось на «воле». Лежи себе и ничего не делай. Когда еще придется.

Пришла медсестра с уколами. Кололи всех, в том числе и Роме досталось. Лечение началось. Потом медсестра привезла для Романа капельницу. В вену на запястье она воткнула иглу и поставила катетер. На капельнице висели две емкости с раствором. Медсестра их подсоединила.

Рома часто слышал выражение «прокапаться», но первый раз ему делали эту процедуру. Раствор капля за каплей вливался в вену. Больной приготовился выздоравливать.

В палату зашел врач и подошел к Роману.

– На что жалуетесь? – спросил он.

– Целый день не было аппетита и слабость сильная, – в который раз за сегодня сказал Роман. Молодые люди в углу захихикали. Врач стал мять Роме живот. Больно не было. Врач ушел, сказав на прощание, что бы Рома пока ничего не ел. Больной кивнул. Ему все равно не хотелось.

В больнице выключили свет. Пора было спать. Емкости с раствором опустели. Медсестра увезла капельницу. Рома уснул.

6. Плохие анализы

– Вставай! Вставай!

Рома открыл глаза. Была ночь. Рядом с кроватью стояла новая капельница, на которой висело 4 емкости. Молодой врач, похожий на студента, снял с Ромы одеяло и положил ему на левый бок ледяную грелку.

– Очень-очень плохие анализы, – сказал врач, подсоединяя катетер к капельнице. Вид у врача был взволнованный и испуганный. Роме хотелось спать и испуг врача ему не передался.

– Тебе когда-нибудь мочеотводящий катетер ставили? – спросил врач, неожиданно забравшись на больного верхом.

– Что? – не расслышал Рома. – Что поставили?

– Сейчас узнаешь, – улыбнулся врач. Он снял с Ромы трусы и взял в руки его член. Рома напрягся.

– Будет немного неприятно, – сказал врач и стал засовывать в член силиконовую трубку. Было жутко больно.

– Ты что делаешь? Больно же! – стал кричать на врача Рома. Врач, не обращая внимания на крики больного засовывал трубку все глубже, пока она не достигла мочевого пузыря. Врач слез с Романа и привязал мочеприемник, висящий с другого конца трубки, к каркасу кровати.

– Грелку крепче держи, – сказал врач, вставая. – Очень-очень плохие анализы. Я еще приду.

Врач ушел. Рома чувствовал себя изнасилованным: лежать было неудобно, грелка постоянно сползала и главное – эта идиотская трубка, засунутая в половой орган.

Утро в больнице наступало рано. Сначала пришли медсестры с уколами и таблетками, потом был завтрак, потом все стали заниматься своими делами. Рома, почти не спавший ночью, дремал. Его разбудили новой капельницей.

– Меня, когда привезли, я мокрый весь был, сознание от боли терял, а у него нет аппетита, – смеясь рассказывал молодой парень другу. – Эти интерны, вообще, чокнулись. Всю ночь беднягу заливали. 8 емкостей сменили. А чудик все кричал: «плохие анализы, плохие анализы». Попрактиковаться захотел.

– Интерны, блин, – добавил друг, – что с них взять.

Рома понял, что говорят о нем. То, что ночной врач был интерном-чудиком успокаивало. Значит очень плохих анализов не было.

– Снимите, пожалуйста, мне эту штуку, – попросил Рома, проходящую мимо медсестру, показывая на свой мочеприемник.

– Нельзя.

– А когда снимите?

– Нельзя, – повторила сестра и ушла.

Рома снова задремал. Его несколько раз будили уколами. Снова поставили капельницу. Время тянулось медленно. После обеда Рому повели на первый этаж делать УЗИ. Вернувшись он обнаружил рядом со своей кроватью двух молодых людей. Они пришли навестить Горца и что-то оживленно рассказывали ему на своем языке. Больной только кивал в ответ с еле заметной улыбкой. Потом они стали показывать видео на телефоне. Горец стал улыбаться более заметно.

В это же время к молодому человеку, критиковавшему интерна, пришла жена. Она оказалась толстой, страшной и деловой. 3 достоинства в одном флаконе с целлюлитом. Реальная альфа-самка. Рома искренне порадовался за молодого человека. Они производили впечатление хорошей пары.

Тут в палату вбежал новый врач. За ним как шлейф влетели две медсестры. Врач стремительно подошел к Роме.

– Пил вчера алкоголь? – сурово спросил он не поздоровавшись.

– Да, – кивнул Рома.

– Что? Сколько?

– Что сколько? – не понял Рома.

– Водку? Сколько бутылок? – еще суровой уточнил доктор.

– Водку, но немного. Грамм 300 вчера, а позавчера – грамм 700-800, где-то полторы бутылки, – по возможности точно ответил Рома.

Доктор зло хмыкнул и убежал.

«Наверное, прямо сейчас выпишут, – решил Рома. – Больница переполнена. Нечего место всяким алкашам занимать».

Рома полез за планшетом, который взял с собой. Пора было возвращаться в будни. Wi-Fi в палате не ловил. Рома вытащил симку из телефона, вставил в планшет, вышел в Интернет, проверил почту. Редкий случай, когда он обрадовался отсутствию писем. Потом он вернул симку в телефон, достал наушники и включил на планшете «Свадьбу Фигаро» Моцарта с 3-го акта. Он уже несколько лет слушал в наушниках исключительно Моцарта. А ведь когда-то был меломаном – рок-н-рольщиком и слушал все подряд. А потом как замкнуло.

За окном начало темнеть. Включили свет. Зазвонил телефон. Звонила Вера. Она спросила, как дела.

– Все нормально. Наверное, выпишут сейчас. Хотя скорей всего завтра... Ну да, капельницы, уколы колют... Ничего не говорят... Панкреатит вроде, но упрощенный. Ничего уже не болит... Больница? 65-я, по-моему, ... У Лизы завтра елка, помнишь?.. Ну я уже тогда не пойду, ты сходи... Хорошо... Ну что ты опять заладила. Я вообще не пью сейчас... Сама ты алкашка. Отвали.

Рома бросил трубку. Вера опять напала со своим алкоголем. «Вот, гадина, – зло думал он. – Чуть настроение появится так тут же летит коршуном». Рома воткнул наушники. Барбарина пела свою красивую песенку.

В палату быстро вошла медсестра с большим пакетом и направилась напрямиком к Роме. Больной вынул наушники из ушей.

– Так, Бугаев, все выключаем, – решительно сказала медсестра.

Рома выключил музыку.

– Что случилось? Выписывают?

– Нет. Всё выключай и давай сюда. Ценные вещи есть? Планшет давай, телефон. Деньги есть?

– Есть немного, – растерянно сказал Рома, и полез в сумку за кошельком. В кошельке было 750 рублей. Медсестра пересчитала деньги и положила кошелек в пакет вместе с гаджетами. Потом она стала собирать остальные вещи в большой мешок. Курта, джинсы, ботинки – всё туда поместилось.

– Трусы тоже снимай, – попросила медсестра.

Рома хотел спросить: «зачем?», но не спросил. Он молча снял трусы, вытащил их из-под одеяла и отдал.

– Ложись поудобней, поедем, – сказала медсестра, снимая стопор с колес кровати.

– Куда?

– В реанимацию.

7. Отделение интенсивной терапии

Реанимация (отделение интенсивной терапии) была тремя этажами ниже хирургии, на 2-м этаже. Они спустились на грузовом лифте. Рому привезли в одну из палат. Кроме него в палате было еще 3 места – два напротив и одно – справа. Каждое место было оборудовано разными штативами. Светились мониторы, мигали разноцветные лампочки.

«Почему реанимация? Что это означает? Реанимация – это плохо. Типа, когда человек умереть может или после неудачной операции, или в коме. Но у меня-то ничего уже не болит. Может перепутали с кем-нибудь? Вряд ли. Наверное, правда, плохие анализы. Блин, как не во время-то. Новый год же скоро. Надеюсь это ненадолго».

Рома осмотрелся. В палате лежали 3 пожилые женщины. Та что справа громко рассказывала той, что напротив, историю своей болезни. Номера больниц, этажей, названия улиц, районов, имена, отчества, фамилии были крепко приправлены наименованиями лекарств, болезней, процедур, дозировок. Иногда даже мелькала латынь с характерным оканьем. «Да?» – заканчивала очередную часть своего повествования болтливая больная и повторяла этот вопрос до тех пор, пока ее молчаливая собеседница с нескрываемой ненавистью не отвечала «да». Только после этого болтушка продолжала рассказ. Третья больная, лежавшая по диагнозу от Романа, тоже принимала участие в разговоре, но ее игнорировали. «Заткнись уже, заткнись, ненавижу. Заткнись уже, заткнись, ненавижу и т.д.» – тихо шипела она. Похоже у нее были проблемы с голосом.

Лучше всего Роману была видна шипящая тетка. Она полусидела на подушке, отбросив простынь в сторону. У Ромы было плохое зрение, но он, прищурившись, разглядел ее, похожие на два сдутых шарика, сиськи. Она то и дело была по ним своими, обтянутыми кожей, ладошками. Тетка была голой и не скрывала свои прелести. Эротика была редкостная. Рома поморщился от отвращения. Вспомнилась песня певца Шуфутинского «За милых дам» с бодрым дон-жуановским зачином: «мне нравятся все женщины на свете». «Его бы на мое место», – подумал Рома и тихо засмеялся, представив бородатого котяру с вечным мартом в голове, поющим соблазняющую арию бешеной старой тетке. «Лучше педиком быть, чем таким мега-гетеросексуалом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.